

ИНДИВИД В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-78-10052 «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России»

О. Н. Яницкий¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Для цитирования: Яницкий О. Н. Индивид в современном информационном обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 9–23. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7300

Аннотация. Статья посвящена относительно новой в российской социологии теме: изменение архетипа самого современного индивида в условиях Четвёртой научно-технической революции (далее НТР-4). Опираясь на работы российских и зарубежных учёных, а также на собственные эмпирические исследования в течение нескольких десятилетий сделана попытка понять взаимоотношения индивидов и их исторически сложившихся социальных общностей с изменяющейся под воздействием НТР-4 структурно-функциональной организацией глобального сообщества или с созданными им транснациональными сетевыми структурами и процессами. Меняется и характер овладения необходимыми знаниями. Сегодня необходимость триединства науки, обучения (и перманентного переобучения) и социальной практики подкрепляется такими фундаментальными трендами современного общества, как развитие междисциплинарных подходов и исследований, раннее превращение индивида из «ученика» в исследователя, процессами гибридизации современных социальных и конструктивных практик и всё более частым соединением этих трёх видов человеческой деятельности в одном лице. Важнейшим фактором, стимулирующим сегодня этот процесс единения, является ускорение течения и изменения социальных процессов и практик. Другим таким объединяющим фактором является возвращение социальной роли науки, непрерывного образования и гражданской активности как социальных институтов в современном обществе. А это невозможно без уважительного отношения к ним со стороны органов управления и бизнес-элиты.

Ключевые слова: волонтеры; гибридизация; глобализация; информационное общество; междисциплинарный подход; наука; социальная роль; общественность; практика; триединство; Россия.

Введение

Изучая структуры и процессы современного информационного общества, российские и западные теоретики обращают основное внимание на трансформации глобального масштаба и в гораздо меньшей степени – на изменение архетипа самого современного индивида. Между тем именно в архетипах сознания и поведения происходят не менее существенные перемены. Не говоря уже о том, что сама Четвёртая промышленная революция (далее НТР-4) была изобретена, сконструирована и тиражирована человеческим гением.

Задачей данной статьи является попытка понять взаимоотношения индивидов и малых групп с изменяющейся структурно-функциональной организацией глобального сообщества или с созданными им транснациональными структурами и процессами. С моей точки зрения, эти взаимоотношения должны рассматриваться для двух, во многом противоположных по своему сознанию и поведению архетипов индивида и малых групп глобального сообщества, а именно — для наиболее и наименее богатых и социально продвинутых. Глобальное информационное общество или, как его называет М. Кастельс, «информационную галактику» по-прежнему населяют две крупные, во многом противоположные по своему социальному архетипу группы богатых и бедных [Arsenault and Castells, 2008]. Эта «галактика» действительно создала всеобщий доступ к благам капиталистической цивилизации, но для одних — только в принципе, тогда как других сделала её носителями и хозяевами. Экономические кризисы продолжаются, социальные конфликты и войны множатся, в мире то тут, то там возникают критические ситуации, которые также во многом есть творение рук человеческих. Учёные спорят, какие беды принесёт ядерная война или пандемия неизвестного вируса, ждёт ли человечество в обозримом будущем потепление или похолодание климата планеты, но каждая из этих критических трансформаций окажет разное воздействие на богатых и бедных.

Какова среда обитания современного индивида?

Первый вопрос, на который необходимо ответить: что представляет собой та среда обитания, в которой современный индивид живёт и действует? Традиционное и даже индустриальное общество в основном состояло из больших и малых территориально-закреплённых сообществ, будь то деревня, малый или большой город. Конечно, дороги были разных видов, но всё же они строились по принципу, изложенному в школьном учебнике по арифметике: «Движение от пункта А в пункт Б».

Сегодня сеть этих территориальных связей стала не только гораздо более сложной, разнообразной по своему характеру и назначению, но и потребовала развития специальной науки, которая называется логистикой, когда движение людей и грузов разными видами транспорта должно быть согласованным по времени и пространству.

Более того, сегодня приходится учитывать состояние, направление и скорость движения таких природных масс, как вода, ветер, кратковременные изменения погоды и долговременные тренды изменения климата в разных частях света, и учитывать влияние динамики этих глобальных изменений на социальные процессы. Для описания этих перемен и их скорости одного понятия времени уже недостаточно — приходится говорить о темпоритмах этих системных изменений, их ускорении или замедлении, вводить фактор неопределённости.

Наконец — главное: не только отдельные индивиды, но и вся производительная деятельность человека и природы *функционируют в двух пространствах — материальном и виртуальном*. Причём это не только различные тем-

поритмы человеческой и природной активности, но и их взаимовлияние друг на друга. Я подчёркиваю, что в этом взаимодействии есть множество видимых и невидимых участников, которые, будучи объединёнными реальными и виртуальными сетями, составляют качественно новое комплексное (гибридное) образование, которое я называю Биосферой-3, или социобиотехносферой (далее СБТ-системы). Термин «антропоцен», введённый Нобелевским лауреатом П. Крутценом, ничего нового в данном случае не даёт.

Во-первых, этот термин известен геоморфологам и археологам уже давно.

Во-вторых, он не объясняет самого главного: каковы механизмы, формы и результаты взаимодействия между биологическими, социальными и техническими структурами глобальной СБТ-системы и как это взаимодействие влияет на индивида.

В-третьих, эта глобальная СБТ-система уже не является биологической, поэтому к ней не применимы типовые схемы природного метаболизма «продуценты—консументы—редуценты», как полагали некоторые российские учёные [Яблоков и др., 2018]. Эта глобальная система именно тройственная, и от того, как именно она будет функционировать, каким будет соотношение её биологических, социальных и технических компонентов и структур (западные учёные называют техническую среду *built environment*, что, на мой взгляд, ошибочно), зависит жизнь всего человечества и каждого из нас. За исключением тех немногих богатых и сверхбогатых, которые успеют переселиться на другую планету.

В-четвёртых, структурно-функциональная организация глобальной СБТ-системы и темпоритмы её функционирования и развития пока учёным не ясны. Как показывает практика, чем сложнее становится эта глобальная СБТ-система, чем больше она насыщается техническими элементами, тем менее устойчивой и предсказуемой она становится, тем сложнее предсказывать её ближайшее и, тем более, отдалённое будущее. Соответственно, всё менее предсказуемым становится поведение индивида.

В-пятых, люди, тем не менее, создают всё более сложные технические системы, которые я называю гибридными. Гибридными в том смысле, что они «состоят» из хорошо пригнанных друг другу подсистем и их деталей. Это ещё не экосистемы в строгом смысле слова, но технические системы, которые способны функционировать в разных средах и на разных режимах. И до определённого предела эти гибриды не реагируют на изменения той среды обитания, в которой они двигаются или в которой пребывают постоянно.

В-шестых, до сих пор в научной литературе речь шла об использовании биолого-подобных материалов. Но сегодня учёные всего мира говорят о приближающейся *генетической революции*. Пока что и главным образом — о пандемиях неизвестных вирусов. Но дальше речь пойдёт об *изменении генетического кода человека*, что с социальной и политической точек зрения уже очень серьёзно. И тем более непонятно, как эти и подобные им новые знания будут использоваться? Если помимо гонки вооружений мы ещё включимся в гонку биологических вооружений, то это будет чрезвычайно опасно, так как такие средства борьбы распространяются в природных и социальных средах одинаково легко.

Иными словами, среда обитания современного индивида не только становится всё более сложной, гибридной, но и под воздействием науки изменяется всё быстрее, порождая всё новые риски и опасности для индивида. Это означает, что она становится всё менее предсказуемой, требуя создания специальных технических систем (мониторинга) для непрерывного слежения за её количественными и качественными переменами и изменением её собственной пространственной структуры.

Метаболические процессы как средство системной интеграции

Виды, формы и ресурсы метаболических процессов — очень сложная проблема, поэтому обозначу здесь лишь её ключевые аспекты. Под видами этих процессов я понимаю весь спектр их существования на земле, начиная от «независимого» существования отдельных природных и социальных сущностей (как инертных, так и живых) через различные степени их взаимодействия и до полного сращивания (тотальной гибридизации) качественно разнородных сущностей. В таких процессах гибридизации постепенно формировались качественно новые агенты природной или социальной среды. Я не рассматриваю здесь теорию происхождения видов Ч. Дарвина, открытые им виды межвидовой и внутривидовой борьбы. Я хотел бы только подчеркнуть, что сам факт этой борьбы в её разных формах явился важным стимулом для изменения видов и форм метаболических процессов.

Под формами метаболизма я понимаю качественно новый результат взаимодействия двух или нескольких сущностей, то есть от минимального изменения (без изменения качества взаимодействующих агентов) и до их взаимной аннигиляции, то есть тотального разрушения их самих и среды их обитания. Атомная война — типичный пример такой тотальной аннигиляции.

Естественно, что основным источником ресурсов в этом случае являются природные, социальные и технические ресурсы, сконструированные человеком. Важнейшим ресурсом рассматриваемых процессов является время, о котором речь пойдёт ниже.

Проблема глобального сообщества состоит в том, что ему одновременно требуется всё большее количество материальных, энергетических и интеллектуальных ресурсов, а их доступное количество всегда конечно. То есть ресурсы метаболических процессов необходимо одновременно и производить, и экономить, однако всякий рост капиталистической экономики сопровождается накоплением отходов, сегодня начинающих всё более тормозить её дальнейший рост. Утилизация отходов становится жизненно важной проблемой всего человечества.

Создаваемые человеком метаболические процессы требуют различных ресурсов, которые конечны, а их добыча также требует новых ресурсов. Одни ресурсы ещё имеются в достаточном количестве, другие — уже на исходе, ощущается их острая нехватка. Объём и качество необходимых ресурсов зависит от их доступ-

ности, затрат на переработку и т. д. *То есть само производство ресурсов требует всё больших ресурсов.* Поэтому сам процесс производства, передачи и использования конкретного ресурса есть цепь метаболических процессов, одним из важнейших звеньев которого является логистика, посредством которой конкретные ресурсы могут не только добываться, но и перемещаться на большие расстояния. Но опять же, для такого перемещения и трансформации требуются затраты многих других ресурсов. Эти процессы особенно сложны в условиях мегаполисов и других гибридных, то есть социобиотехнических образований, требуя соблюдения особых мер безопасности и т. д. *Всю совокупность названных выше процессов и трансформаций я называю метаболизмом ресурсов, в результате которых распадаются старые и формируются новые СБТ-системы разного масштаба и назначения.*

Проблема собственно социального метаболизма. Это — условное, но необходимое понятие, обозначающее различные формы социального взаимодействия между индивидами, их группами и институтами. Речь идёт об обмене между ними сообщениями, мыслями, идеями, то есть о таком информационном обмене, в результате которого может родиться новая идея, концепция, способ регулирования социальных отношений, добычи и переработки ресурсов и т. д. В эту же категорию я включаю различные формы одностороннего информационного давления, такие как предупреждения, угрозы, разоблачения, хакерские атаки и другие формы социального принуждения и насилия. Давно известной и широко распространённой формой такого насилия является распространение ложной информации, что сегодня присуще как политической практике, так и используется в военной сфере.

Агентами социального метаболизма могут быть как индивиды, их группы и сообщества, так и роботы и другие «умные машины». Например, весь промышленный шпионаж построен на инсайдерской информации, которая добывается работниками компаний и потом тайно передаётся заказчику. Подчеркну, что социальный метаболизм не сводится только к передаче информации. Во всех названных случаях происходит изменение мышления и поведения одной или всех сторон, участвовавших во взаимодействии. Напомню также, что сегодня важна не только некоторая новая информация, но и скорость её распространения посредством СМИ или социальных сетей или же напрямую с целью дезорганизации некоторой сферы социальной жизни контрагента или вероятного противника.

Возникает вопрос: является ли социальный метаболизм порождением капиталистического способа производства или же он есть норма любого общества или его группы? С моей точки зрения, эти два типа метаболизма практически всегда сочетаются, то есть любопытство порождает экономический и социальный интерес и наоборот.

Как и все другие сферы метаболизма, социальный метаболизм требует затраты времени и ресурсов: материальных, интеллектуальных и др. И в этом случае время, точнее его экономия, является важнейшим ресурсом. В одних случаях экономия времени социальной коммуникации важна сама по себе, тогда как в других она подчинена ближайшим или далеко идущим целям одной или обеих сторон.

НТР–4 и институциональные переменны

Сущность институциональных изменений под воздействием НТР–4 была рассмотрена мною ранее [Яницкий, 2019]. В данном случае важно, что современный индивид, его семья и ближайшее окружение находятся под воздействием переходных процессов от уже неэффективных или просто неадекватных институций, созданных ранее, к новым институциям, соответствующим НТР–4, однако этот процесс далеко не завершён. А это резко повышает степень неопределённости той институциональной среды, в которой живёт и действует современный индивид.

Этот тезис относится в первую очередь к таким основополагающим институтам, как семья и соседство. Сегодня они уже не являются основополагающими ячейками общественной организации, так как возникли виртуальные формы общения и совместного действия. Как показало международное исследование проблем детства и отрочества, в настоящее время дети и подростки уже не являются исключительно объектами воздействия на них со стороны взрослых и их институций. Чем дальше, тем больше дети и подростки выступают в роли социальных агентов. Однако их образ жизни и стереотипы поведения всё ещё находятся под сильным влиянием мира взрослых. Исследователи из 10 стран согласны в том, что дети являются маргинальной группой населения и что «утилитарный» подход к этой группе населения уже давно исчерпал себя [Büchler-Neiderberger, 2010a, 2010b].

Соседство в его классической форме также быстро изменяется, уступая место другим, более эффективным для условий НТР–4 формам коллективного общения и совместного действия, основанного на сетевых связях, ориентации индивидов не на семейные ценности, а на стремительно меняющиеся образцы поведения, пропагандируемые СМИ.

Но наибольшие перемены происходят в семье именно как в первичной ячейке всякого общества. Ещё 10 лет назад я полагал, что семья в совокупности с её национальными и семейными традициями, житейским опытом и способностью прогнозировать собственное будущее является первичной ячейкой общества, которую я именовал первичной экоструктурой [Yanitsky, 2012]. Сегодня это уже не так.

Сегодня «трансформация» и даже распад этой ячейки идёт по всем направлениям: под давлением внешних сил, материальных и виртуальных, разрушается сам принцип семейной организации повседневной жизни. Прошлое уже не является основой для создания устойчивого семейного будущего, дети рано уходят из семьи, сначала – виртуально, а потом и реально. Идёт борьба за равноправие женщин и мужчин, первые всё чаще становятся успешными бизнес-леди, растёт число однополых браков или муж и жена живут, не расписываясь, что теперь в обиходе называется «гражданским браком», хотя с точки зрения науки это неверное название. Правильнее называть такую форму отношений сожительством, гражданский же брак – это стандартная регистрация отношений в органах ЗАГС и т. д.

И наконец, одна из самых главных проблем — это *рост отчуждения в микросреде общества*, мужа и жены, детей и взрослых, старых и молодых под воздействием стремительно меняющихся условий и образа жизни членов семьи. НТР-4, создавая всё новые «умные машины», вытесняет старших членов семьи с рынка труда и вообще из этой новой, быстро меняющейся жизни. В результате происходит или окончательный распад семьи как первичной ячейки общества, или при её сохранении — рост психологической напряжённости и внутрисемейного криминального поведения как внутри семьи, так и в школе и на улице. М. Кастельс ошибочно полагал, что всеобщее распространение Интернета постепенно будет уменьшать социальное неравенство в обществе. Если речь идёт только о доступности интернет-сетей, то это частично верно. Однако не будем забывать, что социальное неравенство в обществе зависит не только и не столько от доступности Интернета, сколько от уровня материального благосостояния и множества других экономических и социальных факторов. Кастельс сам показал, что возможность манипулирования массовым и индивидуальным сознанием при помощи глобальных СМИ и социальных сетей непрерывно возрастает [Arsenault and Castells, 2008].

Роль фактора времени

Сегодня известный принцип «время — деньги» становится решающим. Изобретённые человеком информационные системы резко сжали пространство человеческой жизни. Произошла «инверсия пространства», которое было побеждено скоростью передачи информации. Но мир не стал одной большой деревней, как некогда предполагал американский футуролог О. Тоффлер. Напротив, «сжатие времени» привело к растущей дисперсии глобального сообщества на множество автономных профессиональных и иных сообществ. И, что не менее важно, к растущей пространственной мобильности части населения планеты. Другая его часть, напротив, осталась привязанной к своему месту жительства, или, что ещё хуже, превратилась в беженцев или вынужденных переселенцев. Растёт также число индивидов, вообще исключённых из жизни современного общества [Bauman, 2004].

Естественно, что в совокупности все эти факторы привели к росту пространственной мобильности больших масс людей, к опустыниванию одних территорий и к миграционной перегрузке других стран и континентов, что и произошло в 2011–2016 гг. в Европе. Более того, сегодня лидеры некоторых стран грозятся использовать массу живущих у них беженцев как «социальное оружие» против ЕС. Действительно, такая «социальная бомба» может снова повергнуть ЕС в глубокий политический и социальный кризис.

Но и настоящие виды наступательного оружия непрерывно совершенствуются. Социологи даже не заметили, что ключевая проблема современности, именуемая «мир или война», сегодня измеряется *скоростью полётного времени ракет* со стороны вероятного противника. Мы как-то всё время стремимся от-

страниться от того факта, что Россия со всех сторон окружена военными базами США и стран, входящих в НАТО. Это значит, что сегодня огромные размеры территории РФ имеют меньшее стратегическое значение, чем 50–70 лет назад.

С развитием новых технологий индивид становится всё более зависимым от них. Эта зависимость может быть самой разной. В микросфере человек зависит от множества зарядных устройств, от своего «умного дома», от вечной привязанности к своему личному гаджету, который сегодня является *единственным техническим каналом связи* как с ближайшим окружением, так и со всем миром.

Электронный мир непрерывно генерирует не только новые вызовы и риски, но и подсказывает индивиду варианты возможного ответа на них, тем самым делая его всё более зависимым от новых технологий, правил и норм их использования. Однако главная проблема в том, что предлагаемые варианты ответов — это ответы на уже случившиеся техногенные аварии и природные бедствия, а нам необходимо их предвидеть, чтобы мобилизовать науку и людей для их предупреждения.

Автономен ли сегодня индивид?

Д. Урри был прав, что современное общество — это общество всё возрастающей мобильности [Urqu, 2008]. Но эта мобильность, необходимость реагировать на множество качественно разных «вызовов», имеет свои пределы. Иначе индивид теряет способность к рефлексии и к критической оценке быстротекущих перемен и превращается в «человека-трансформера», реагирующего на поступающее одновременно множество вызовов по принципу «да–нет» или вообще старающегося спрятаться от их потока.

Вот простые примеры. Если заглянуть в любые социальные сети, то там редко можно найти постановку новой социальной проблемы или аргументированную дискуссию. В сети выкладывается уйма никому не нужной фото- и видеоинформации, собирающей сотни тысяч «лайков». Но что такое эти «лайки»? Это ведь простейшая система оценки по принципу «да–нет» без всякого критического анализа или дискуссии по поводу услышанного или увиденного.

Вообще, переход массового общества от чтения к получению информации через зрительные образы (картинки), то есть от «Галактики Гуттенберга» к жизни в «Информационной Галактике», требует отдельного рассмотрения. Между крестьянином или рабочим прошлой эпохи и жителем и работником «Информационной Галактики» дистанция огромного размера.

Далее, чем больше контактов (встреч, совещаний, звонков и т. д.), тем они становятся всё короче, их содержание сокращается, вариантов ответа всё меньше и т. д. К тому же и ТВ, и социальные сети ориентируют массового пользователя отнюдь не на творчество. Главное сегодня — это заработок, «бабло», и молодёжь ориентируется на это во многом благодаря ТВ и социальным сетям. Индивид может быть действительно «автономным», если он ставит перед собой неко-

тую стратегическую задачу, далёкую цель, к которой он должен стремиться. И такие люди есть в каждом обществе, но их значительно меньше по сравнению с теми, кто готов «плыть по течению» и добывать «бабло» здесь и сейчас любыми средствами. В результате мы сегодня имеем дело с дипломированными специалистами, но без всякого жизненного опыта, а главное — без внутреннего морального стержня. Их часто именуют «назначенцами», и многочисленные коды и инструкции — это их информационная среда обитания.

Люди объединяются для коллективных ответов на техногенные или природные вызовы, но такое бывает достаточно редко. Чаще это пассивная реакция на непрерывный поток информации, включая всевозрастающее количество *Breaking News*, осмыслить которые и тем более адекватно прореагировать на них индивид просто не в силах. Поэтому его «автономность» чаще всего имеет пассивный характер. К сожалению, средняя школа и вуз, перенасыщая мозг учащегося всё новой и новой информацией, вынуждают его действовать по старому принципу: «выучил — сдал — забыл» (или подсмотрел ответ в своём смартфоне). Именно поэтому предприниматели предпочитают создавать для «новобранцев» свои краткосрочные курсы переобучения или же заранее проводят отбор наиболее способных и талантливых, а не участников «диванных войн».

На основе анализа научной литературы, а также обобщения эмпирического материала, собранного методом глубинных полуструктурированных интервью (более 500 интервью), мною были выделены следующие архетипы индивидуальной активности: «идейный активизм», «рациональный активизм», «пассивный активизм», «потребительский активизм» и «экологический активизм» [Яницкий, 2019: 173–174]. Как отмечалось выше, есть ещё один архетип — законченный маргинал, таких людей З. Бауман называл «новыми бедными», или «париями» современного общества [Bauman, 2004].

Если обобщить вышесказанное, то «творцы», представленные первыми двумя архетипами, и «потребители» находятся на разных полюсах социального пространства. Первых можно назвать универсальными личностями, которых иногда именуют космополитами. Но универсальная личность — это социологическое, а не политологическое понятие. «Творцы» живут и творят действительно в универсальном пространстве междисциплинарного знания, тогда как потребители — тоже по-своему универсальны, так как они живут и «охотятся» в потребительском пространстве. И те и другие пользуются Интернетом, но если первые — в целях развития науки и социальной практики, то вторые ищут всё новые средства самоутверждения в потребительском обществе. Это именно те, которых социолог Б. Малиновский называл носителями «демонстрационного», т. е. показного поведения. Первые ищут средства для предотвращения природных бедствий и техногенных катастроф, тогда как вторые ищут средства или места для спасения от них, нимало не заботясь о судьбе человечества. Наконец, первые имеют гораздо больше степеней свободы выбора (знаний, общения), тогда как вторые должны следовать за правилами и очередной модой, навязанными им потребительским обществом.

О значении научно-общественных исследований

Почему их социальная значимость растёт? Потому что они представляют собой триединство научной и учебной работы и гражданской активности. Наш великий учёный академик В. И. Вернадский не раз утверждал, что наука должна быть в гуще жизни. И вот вначале 2000-х гг. междисциплинарные барьеры начали размываться, что было, в частности, обусловлено растущим интересом естественников и обществоведов к феномену метаболических трансформаций, о которых речь шла выше. С другой стороны, сегодня учёные и общественники всё чаще становятся публичными политиками, где также требуется комплексное знание.

Поэтому, основываясь на своих многолетних эмпирических исследованиях, я предложил и продолжаю развивать концепцию современного «креативного» индивида (и его «креативного обучения») не просто как человека, стремящегося постоянно пополнять запас своих знаний, систематически проходить курс профессионального переобучения и т. п. [Яницкий, 2007; Yanitsky, 2005, 2019]. Я вижу необходимость *триединства процесса формирования такого индивида как одновременного обучения, преподавания и гражданской активности*. Это триединство – отражение реальных тенденций взаимодействия и взаимного обогащения эти трёх важнейших сторон человеческой деятельности.

Не все, но очень многие российские и зарубежные учёные и практики считали для себя необходимым такое триединство. Это – М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский, А. Эйнштейн, П. Сорокин, С. П. Королев, А. Д. Сахаров, А. В. Яблоков и многие другие. Но есть в России и иной процесс пополнения рядов сторонников этого триединства, а именно – со стороны гражданских активистов. Например, таких как С. И. Забелин, Е. А. Симонов и С. Г. Мухачев, которые, начав свою карьеру именно как общественники, активисты Студенческих дружин охраны природы, очень скоро пришли к необходимости соединения этих трёх сторон человеческой практики.

Изучая труды и дневники Вернадского, я бы так сформулировал его «завещание» нам, социологам. Во-первых, триада «исследование–просвещение–социальные изменения» актуальна и сегодня. Во-вторых, личность учёного первична, поэтому мы должны сами ставить исследовательские задачи, которые представляются нам актуальными, а не ждать указаний сверху. В-третьих, растёт интерес к изучению общества через его микроисторию. Поэтому нужны свидетели повседневности, понимание мыслей и чувств маленьких, но действенных агентов исторического процесса. Однако нужны не «комментаторы момента», а обострение ума, по мысли русского философа П. Я. Чаадаева. Поэтому, в-четвёртых, как полагал Вернадский, необходимо вести дневники, строить хронологии событий, писать письма и некрологи. Зафиксированная мысль чрезвычайно важна, кому бы она ни принадлежала: учёному, политическому лидеру или студенту. Только так, по мысли учёного, можно написать социальную историю России. Со всеми этими важными идеями можно познакомиться в публицистических статьях Вернадского, а также в его дневниках [Вернадский, 1995].

Необходимость триединства науки, обучения (и перманентного переобучения) и социальной практики подкрепляется такими фундаментальными трендами современного общества, как развитие междисциплинарных подходов и исследований, раннее превращение индивида из «ученика» в исследователя, процессами гибридизации современных социальных и конструктивных практик и всё более частым соединением этих трёх видов человеческой деятельности в одном лице. Важнейшим фактором, стимулирующим сегодня этот процесс единения, является ускорение течения и изменения социальных процессов и практик. Поэтому не стоит удивляться утверждению нашего великого физика, Нобелевского лауреата академика П. Л. Капицы о том, что в иных случаях экспериментатор важнее теоретика, потому что экспериментатор способен (конструктивно) соединить несоединимое, чтобы оно работало как единое целое [Капица, 1981].

Ещё два важных соображения.

Первое. Необходимость такого триединства ощущается «снизу», т. е. в ходе ежедневного управления экономическими, социальными и технологическими процессами. Таким образом, само понятие «управление» тоже не стоит на месте, оно видоизменяется, развивается, усложняется вместе с развивающейся действительностью. Не случайно в социологический и политический обиход включается слово «геополитика», потому что за этим термином всегда стоят необходимые ресурсы, включая время как стратегический фактор в случае возникновения войны или других критических ситуаций.

Второе. Сегодня окружающая нас действительность развивается не линейно, а с неожиданными поворотами и скачками. Наряду с нормальным и потому с предсказуемым течением некоторого социального процесса он, под воздействием внешних сил или внутренних противоречий, может быстро переходить в критическую фазу, когда время для принятия решений и мобилизации ресурсов исчисляется минутами [Яницкий, 2014].

Теоретически здесь всё более или менее понятно, а вот как наиболее быстро и эффективно объединять усилия названных выше трёх сил практически, этот вопрос находится сейчас в стадии проработки в рамках исследовательского проекта «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России». Причём я рассматриваю волонтерскую активность не только как дополнительный ресурс для спасательных операций МЧС, но и как важнейшее средство сохранения природы, национальных традиций и культурного кода. А это невозможно без восстановления статуса и престижа фундаментальной науки в России [Зарубина, 2017], о чём также неоднократно писал Вернадский.

Выводы

Современные информационные технологии — это двуликий Янус. Они, освобождая массу людей от традиционных (семейных, соседских и других) местных связей, одновременно делают их всё более зависимыми от «умных машин»,

передающих устройств и той информации, которая навязывается индивидам безличными сетевыми информационными системами, за спиной которых часто стоит борьба «групп интереса». Соответственно, межличностные связи сокращаются, иногда превращаясь в двоичный код, «да–нет», «согласен – не согласен», «ускорить–отложить» и т. п.

Вкупе с постоянно растущей пространственной и социальной мобильностью одних индивидов и привязанностью к одному месту работы и жизни других, с множеством новых норм, правил и кодов, которые непрерывно генерируются и навязываются индивиду обезличенной машиной СМИ, современный индивид, чтобы выжить, вынужден им подчиняться. Так что автономность индивида в современном обществе скорее декларируемая, нежели реальная. Число молодых людей, которые имеют необходимые ресурсы для реализации своих жизненных планов, непрерывно сокращается; более того, сокращается сама индивидуальная возможность планирования собственного будущего. Эту задачу берёт на себя современное технологически ориентированное общество и капитаны Большого Бизнеса.

Однако идеализировать такое общество не стоит, потому что чем сложнее техническая система, чем больший объём информации она должна учитывать и перерабатывать, чем больше передаточных звеньев в информационных системах, тем выше вероятность ошибки или сбоя в её работе. Технократизм был и будет существовать как разновидность идеологии, но как единственный руководящий принцип современной идеологии и повседневной социальной практики он неприемлем. Мир не может существовать и управляться только «умными машинами». Взаимодействие науки и практики, а также местные опыт, знания и культура не могут быть игнорированы. Местная гражданская активность, включая волонтерство в деле их сбережения, не менее важна, чем тысячи «умных машин».

Хотя понятие социального метаболизма было введено в социальные науки ещё в середине прошлого века [Wolman, 1965], однако как фактор, трансформирующий социальные общности и системы, оно долго не работало. Отношение к этому фундаментальному понятию всех наук, которое фиксирует различные варианты результатов взаимодействия природных, социальных и технических систем, постепенно меняется, когда стало очевидно, что социальные общности, системы и скрепляющие их сети находятся под воздействием не только себе подобных, но и природных и техногенных сил и структур.

Сегодня знание метаболических трансформаций в природе и обществе необходимо не только в созидательных целях, но и для предотвращения последствий критических ситуаций, а также для защиты от внешних посягательств на целостность и жизнеспособность нашего общества. Все участники любых социальных трансформаций – от учёного до волонтера-общественника – должны иметь представление о характере и скорости конкретных метаболических про-

цессов. Напомню, что за НТР-4 идёт следующая революция, биогенетическая, где знания о метаболических процессах между людьми и окружающей их средой будут востребованы ещё более.

Список литературы

Вернадский В. И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Публицистические статьи / В. И. Вернадский; Отв. ред. В. П. Волков М.: Наука, 1995. с. 240–241.

Зарубина Н. Н. Уважение к научному сообществу как предпосылка доверия к институту науки в современной России // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 1 (17). С. 89–107.

Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М: Наука, 1981. 495 с.

Яблоков А. В., Левченко В. Ф., Керженцев А. С. Очерки биосферологии. СПб: Свое издательство, 2018. 150 с.

Яницкий О. Н. Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. М.: Наука, 2007. 271 с.

Яницкий О. Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8): С. 5–24.

Яницкий О. Н. Переходный период: цели изучения, теория и практика. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с.

Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. 2008. № 23 (4). P. 488–513.

Bauman Z. Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge. UK: Polity Press, 2004. 140 p.

Büchler-Neiderberger D. Childhood Sociology – Defining the State of Arts and Ensuring Reflection // Current Sociology. 2010a. № 58 (2). P. 155–163. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011392109354239>.

Büchler-Neiderberger D. Childhood Sociology in Ten Countries: Current Outcomes and Future Directions // Current Sociology. 2010b. № 58 (2). P. 369–384.

Castells M. The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2004. 292 pp.

Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008. 275 p.

Wolman A. The Metabolism of Cities // Scientific American. 1965. № 213 (3). P. 178–193.

Yanitsky O. Dialogue between Science and Society // Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences. 2005. Vol. 36. № 2. P. 78–90.

Yanitsky O. A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing // Social Analysis. 2012. Vol. 2. № 2. P. 7–24.

Yanitsky O. Creative education: A View from Russia // Creative Education. 2019. № 10. P. 752–765. DOI: 10.4236/ce.2019.104056.

Дата поступления в редакцию: 13.10.2019. Принята к печати: 20.11.2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 71622

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7300

An Individual in the Modern Informational Society

The article has been written with the financial support of the Russian Science Foundation. Project № 19-78-10052

«Volunteering in emergency situations as a response to natural and man-made challenges in Russia»

Oleg N. Yanitsky¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218

For citation: Yanitsky, O. N. (2020). An Individual in the Modern Informational Society. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. Vol. 8. № 2. P. 9–23. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7300

Abstract. The article is dealing with a relatively new theme in current Russian sociology, namely with the changing archetype of modern individual under conditions of the Fourth Scientific and Technological Revolution (hereafter the STR-4). Drawing on the works of Russian and foreign natural scientists and scholars and on my own long-term empirical researches in this field of sociological theory, I've made an attempt to comprehend the processes of shaping of the above archetype and his historically shaped social units under the influence of the STR-4, structural-functional organization of a global whole, and in the processes of the emergence of transnational structures and processes.

Recently a necessity of the trinity of a science, teaching (and permanently re-teaching) and social practice is supported by such fundamental trends of modern society as the development of interdisciplinary approaches in the researches and teaching, by early transformation of a child from a pupil into an actor and a researcher, by the processes of hybridization of modern social and construction practices, and by and large the merging of that three types of social practices in the same person. The abovementioned processes are stimulated by a speeding up of all current social practices and transformations. The return of public role of the scientists, uninterrupted re-education and civil activism in the modern society are the other uniting forces. In turn, all said above is impossible without a respectful attitude toward the sciences from the part of the governing institutions and business-elite.

Keywords: civil activism; globalization; hybridization; informational society; interdisciplinary approach; practice; science; trinity; volunteers; Russia.

REFERENCES

Kapitsa P. L. (1981). *Eksperiment, teoriya, praktika*. [Experiment. Theory. Practice]. M.: Nauka publ., 495 p. (In Russ.).

Vernadskiy V. I. (1995). Zadachi nauki v svyazi s gosudarstvennoy politikoy v Rossii. [Problems of science in connection with state policy in Russia]. *Publitsisticheskie stat'i*. Ed. by V. P. Volkov. M.: Nauka publ., P. 240–241. (In Russ.).

Yanitskiy O. N. (2007). *Ekologicheskaya kul'tura. Ocherki vzaimodeystviya nauki i praktiki*. [Ecological culture: essays on the interaction of science and practice]. M.: Nauka publ., 275 p. (In Russ.).

Yanitskiy O. N. (2014). Sotsiologiya kriticheskikh sostoyanii obschestva: teoreticheskie i metodicheskie problemy. [Sociology of critical states of society: theoretical and methodological problems]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. № 4 (8): P. 5–24. (In Russ.).

Yanitskiy O. N. (2019). *Perekhodnyi period: tseli izucheniya, teoriya i praktika*. [Transition period: study goals, theory and practice]. M.: Politicheskaya entsiklopediya publ., 287 p. (In Russ.).

Zarubina N. N. (2017). Uvazhenie k nauchnomu soobshchestvu kak predposylka doveriya k institutu nauki v sovremennoy Rossii. [Respect for the scientific community as a prerequisite for trust in the Institute of science in modern Russia]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. № 1 (5). P. 89–107. (In Russ.).

Arsenault A., Castells M. (2008). Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology*. № 23(4). P. 488–513.

Bauman Z. (2004). *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press. 140 pp.

Büchler-Neiderberger D. (2010). Childhood Sociology – Defining the State of Arts and Ensuring Reflection. *Current Sociology*. № 58 (2). P. 155–163.

Büchler-Neiderberger D. (2010a). Childhood Sociology in Ten Countries: Current Outcomes and Future Directions. *Current Sociology*. P. 58 (2). P. 369–384.

Castells M. (2004). *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 292 p.

Urry J. (2008). *Mobilities*. Cambridge: Polity Press. 275 p.

Wolman A. (1965). The Metabolism of Cities. *Scientific American*. № 213 (3). P. 178–193.

Yablokov A. V., Levchenko V. F., Kerzhentsev A. S. 2018. Essays on the Biospherology SPb: Svoye Izdatel'stvo. 150 c.

Yanitskiy O. (2005). Dialogue between Science and Society. *Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 36. № 2. P. 78–90.

Yanitskiy O. (2012). A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing. *Social Analysis*, Vol. 2. № 2. P. 7–24.

Yanitskiy O. (2019). Creative education: A View from Russia. *Creative Education*. № 1. P. 1–12.

The article was submitted on October 13, 2019. Accepted on November 20, 2019.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yanitskiy Oleg Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: oleg.yanitskiy@yandex.ru

ORCID Id: 0000-0002-0409-5065

Web of Science ResearcherId: R-2270-2016

Scopus Author Id: 6602717863